

КРОКОДИЛ

№ 17 (1739) • ГОД ИЗДАНИЯ 43-й • 20 ИЮНЯ 1964

— При чем тут инициатива,
если я получил предписа-
ние?

Рисунок КУКУРЫНИКСЫ

ЛЕНКОРАНИЕ ОВОЩИ

Трест Кура-Аракс-водстрой (директор тов. Баграмов, главный инженер тов. Ахундов) до сих пор не сдает в эксплуатацию сортировочно-упаковочные фабрики в Ленкорани и Касумлы. Это затрудняет хранение и транспортировку ранних овощей в Москву, Ленинград и другие города страны.

Про капусту писали
и много и густо:
«Коль — капустный король»,
«Короли и капуста».

Сколько авторов пишет
о закуске капустной
в толстых книгах «О пище
здоровой и вкусной»!

Отдаю свою дань
и горячие чувства
я тебе, Ленкорань,—
царство ранней капусты!

Едоки-знатоки
будут славить стоусто-
щи, борщи, пирожки
и сосиски с капустой!

Есть своя благодать
в кочерыжечном хрусте!
Даже можно искать
ребятишек в капусте...

Но и радость порой
не приходит без грусти:
трест Кура-Аракс-строй
равнодушен к капусте.

Солнце овощи ест —
недосчет в килопрамах.
Что же думает трест?
А, товарищ Баграмов!

Овощам под навес
переехать не худо б.
Что ж копаются трест?
А, товарищ Ахундов!

Ждите критики с мест.
Вам грехов не отпустят,
коль строительный трест
заблудился... в капусте.

— Видать, обмен опытом идет на полный ход!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Сорок тысяч метров обязательств

Первой ударила в набат многотиражка. Она надрывалась до стонов. Стоны эти были услышаны репортерами городской газеты. Густо запахло сенсацией. Солидные пропагандисты областной газеты ревниво поглядывали в щели лифта: что носят в свой улей трудолюбивые соседние пчелы? И наконец вздох объявился! На местной фабрике родился неслыханный почин: «Продукции — дорогу, простоям — войну!» Срочно задвигал стульями совнархоз, осно-

вополагающе вздохнул профсоюз. И все постановили: «Продукции — дорогу, простоям — войну!»

Как же это они додумались?

А не сразу. Сначала они размышляли долго и мучительно. Может быть, даже советовались. Может быть, для начала только намекали.

Так, мол, и так, не дать ли дорогу продукции и не объявить ли того... стало быть, войну простоям?

«Начинание» же заключалось в том, что участковый наладчик фабрики решил наконец выполнять свои прямые обязанности. То ли ему с девушками болтать надоело, то ли просто скука одолела, но он заявил прямо и честно:

— Наладчик должен работать! Ежели, скажем, станок остановился, так ты не жди, пока сменный монтер придет, а сам наладь, ни капелюки не стеснясь этого занятия.

«Почин» потряс воображение вышеозначенных лиц и организаций:

— И надо же! Простой, скромный парень, а что выдумал!

И начался дележ опытом.

Затоптались вокруг простого парня компетентные эксперты, зачесали в затылках и стали думать и гадать, как бы не опростоволоситься. Вопрос действительно был мудреhoneк. В самом деле: должен ли рабочий работать? Или же он должен ждать, пока его работу делает постороннее лицо?

Прилетел самоходный телевизионный полк. Велел остановить для примера станок. Наставил на начинателя свои орудия. И начинатель сам, без посторонней помощи пустил этот станок перед изумленными взо-

рами домохозяек и детей до шестнадцати лет.

Говорят, на барабанщика надо учиться. Изучать ноты, совершенствовать слух и проявлять нежное чувство к оркестру, при котором состоишь.

Так вот, недоучившиеся барабанщики, уволенные за отсутствие способностей из нормальных оркестров, все-таки находят себе работу. И никакой ученый солист-литаврист не может наделать такого шума, какой дано совершить трубадурам дутых «починов».

Ленинградский почтальон организовал в своем родном отделении продажу марок без продавца. Не успел он посплюнуть палец, как вокруг него уже плясали воинственные барабанщики из обкома союза работников связи. Они били в литавры, возглашая:

— Это он, это он — ленинградский почтальон!

А это не он. Это великое начинание было давным-давно известно до него. Но барабанщики уже сходили с ума от радости и рекомендовали всем последовать их примеру.

Один предприимчивый педагог-демагог ежегодно обращается к учащимся с призывом хорошо учиться. Работники местной газеты продемонстрировали мне эволюцию его обращений.

Сначала это была сенсация во всю страну. Били барабаны, заседали барабанщики, и, надрываясь, распространяли опыт радиорепортеры.

Потом, на следующий год, редакция значительно подсократила материал. Еще через год неутомимому новатору дали всего пятьдесят строк. В будущем году его огнедышащие строки уже поместят в отделе

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

— Муженек, чего мы ждем?!
Ведь крестить пора мальчишку!..
— Бог избавь! Меня ж потом
Будут крыть без передышки!..
— Муженек, а ты позволь —
все сумею обеспечить...
— Да пойми мою ты роль:
Видел, знал — и не перечил!
— Все устрою, муженек,
шито-крыто, тихо, ловко...
— Потерпи один денек —
Укачу в командировку.

Перевел с украинского
И. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ.

Мих. ВЛАДИМОВ

ЗАВУ ПО НРАВУ

Зав
Двум замам рад своим.
Каждый зам
Незаменим,
Услужить охотник:
Анатолий — подхалим,
Николай — угодник!

Михайло БИЛЕЦКИЙ

ПО ВИНЕ РЕЦЕНЗЕНТОВ

За что один хвалил,
Другой за это
Его в статьях нещадно колотил.
И до того запутали поэта,
Что вылил пиво, стоя у буфета,
Он в кошелек,
А сдачу...
Проглотил!

Перевел с украинского
О. ДМИТРИЕВ.

объявлений. Так сказать, «Дор. реб., приз. в. хор. уч!» — «Дорогие ребята, призываю вас хорошо учиться!» Нет сомнения, что успеваемость снова немедленно возрастет.

Нам известны «почины», которые совершенно всерьез сводятся к следующим глупокомысленным заключениям:

- Врач должен лечить!
- Учитель должен учить!
- Строитель должен строить!
- Сапожник должен тачать сапоги!
- Пирожник должен печь пироги!

Шум, поднимаемый вокруг мыльных пузырей, кружит завистливые головы. Один гостиничный швейцар сообщил мне, что хочет зачать движение по открыванию дверей.

— Все равно открываю, — пояснил он, — но как-то без серьезного смысла. Надо бы с музыкой...

Вы же понимаете, что включить станок можно просто так, в рабочем порядке, а можно и под музыку. Конечно, под музыку эффективней. Но под музыку всегда дороже.

Я помню, лет двенадцать назад пускали один объект. Красные ленточки весело перегораживали входы-выходы, символизируя немедленную готовность к сроку. А в генераторных колодцах вкрадчиво постукивали молотки и стыдливо брызгала электросварка. И молоткам велели замолкнуть, а электросварке погаснуть. Чтобы, значит, не заглушать торжественных барабанов и не дискредитировать сверкающую оркестровую медь.

— Потом доделаем, — доверительно сообщили мне знакомые инженеры.

Я был наивен:

— Как потом?

— А так... В порядке доделок.

ГОТОВЯТСЯ К ВСТРЕЧЕ

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Мощность, которой еще не было, уже значилась в парадных списках. И только сварщики-сборщики угрюмо молчали, понимая, во что еще обойдется государству этот оголтелый символизм.

Может быть, хватит?

Надо сказать, люди прекрасно разбираются в том, который действительно почин, а который — туфта и трескотня. Именно этим и объясняется то, что далеко не каждое «начинание» поддерживается теми, кто, собственно, является производителем реальных благ, врачи ли это, слесари ли, инженеры или трактористы.

Настоящие, подлинные почины — это проявление инициативы. Это высокая форма самоутверждения честного человека. Но, как при каждом деле, при них толкуются горлохваты, дискредитирующие их сущность.

Строитель должен строить. И не надо из этого делать откровения. Потому что когда он перестает строить и начинает только говорить о том, что должен строить, у нас прибавляется один плохой оратор и убавляется много хороших строителей.

А сколько стоят доделки, которые прикрываются красивыми транспарантами и призывами «сдать досрочно», когда все вокруг знают, что для «досрочности» нет никаких оснований? Кроме убытков, это приносит — что не менее важно — огромный моральный ущерб.

Подлинное новаторство, настоящие почины, серьезные обязательства основываются не на транспарантах и литаврах, а на чести и совести трудящегося человека.

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Микрорассказы

Метаморфозы

— Вы здесь инженером работаете?
— Да... то есть не совсем. Я — на ставке инженера. А вообще-то массажист-методист с физкультурным уклоном. Производственную гимнастику в коллективе насаждаю.
— А другими производственными делами у вас кто...

— Сейчас подумаю. На другой инженерной ставке у нас снабженец Яшкин... На ставке Яшкина — архивариус Кашкин. Нет, постойте. Он вроде бы старшим техником числится. Инженером по оборудованию у нас Машкин... Кто, Машкин — инженер? Господь с вами, у него незаконченное высшее. Он завхозом. Вспомнил! Был у нас один инженер! Завхозом оформили. Так уволился. Оклад его, видите ли, не устраивал.

— А кто у вас на ставке директора?
— Кишкин был. На днях сняли. За штатные вольности. Сейчас он работает дворником. На ставке главного инженера.

Г. ЩЕГЛОВ

Она не пришла

Я нурил уже третью сигарету, а ее все не было. «Нужели не придет? — думал я, поглядывая на часы. — Тридцать минут ждать — это уже чересчур. И почему это я такой невезучий? К другим так приходят вовремя, а у меня всегда так. Еще минут десять подожду, и хватит».

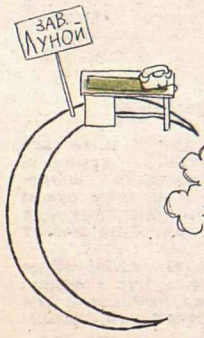
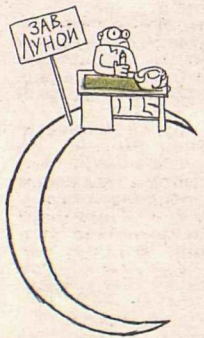
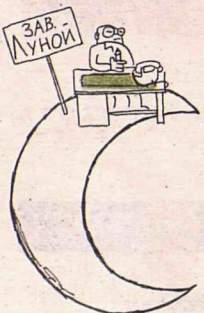
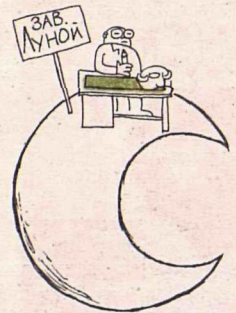
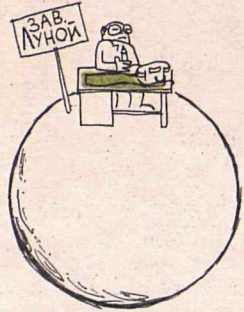
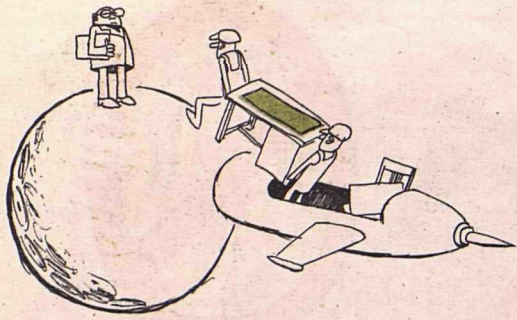
Через десять минут я сказал себе: «Еще пять минут подожду, и тогда...» Что «тогда», я еще не придумал, но, когда прошли и эти пять минут, я крикнул пробегающей официантке:

— Принесите мне жалобную книгу!

А. АЛЕКСЕЙЧИК

г. Минск.

ТЯЖЕЛОВЕСНЫЙ АРГУМЕНТ

Представьте себе некоего руководящего товарища, страстного поклонника механизации. Он искренне убежден, что только мощным домкратом можно поднять и укрепить свой авторитет. И даже возвыситься в глазах окружающих.

А вот окружающие его рядовые граждане, понятно, тоже за механизацию, но что касается авторитета, престижа, почему-то цепляются за старину, считают, что завоевывать себе положение надо по-дедовски, так сказать, ручным способом, то есть своими руками.

Об одном таком конфликте я и хочу рассказать.

С давних времен в центре поселка Фаленки стоял дом, деревянный дом колхоза имени Крупской. С годами он обветшал, к тому же пострадал и от пожара. Его бы давно отремонтировать, но всякие заботы захлестывали колхоз, да и с деньгами было туговато. Наконец в этом году колхозники приступили к капитальному ремонту дома.

В районном исполкоме, конечно, знали, что на соседней улице восстанавливается дом. Знали и молчали, но вдруг спустя три недели раздался грозный окрик:

— По какому праву без спроса строительство развернуто?

— Странный вопрос. Чей это дом? Наш, колхозный. На чьей земле стоит? На нашей, колхозной...

— По генеральному плану здесь этот дом не значится.

— А мы об этом вашем плане и слыхом не слыхали. С нами, колхозниками, не советовались, выписки из решения не присылали. Так ведь? У нас есть свой генеральный план. И здесь быть колхозной усадьбе. Вы наш план, кстати, обсуждали у себя в районном исполкоме. И утвердили. Так ведь?

— А мы все равно запрещаем строительство!

— Так мы же не строим, а восстанавливаем!

— А мы...

— А мы...

И пошло, и пошло...

Спору нет, и при капитальном ремонте колхозного дома на колхозной земле следовало посоветоваться с архитектором. Если это не соблюдено, председателя колхоза Фоминых можно оштрафовать, обсудить на правлении... Да мало ли у исполкома других способов, чтобы призвать Фоминых к порядку. Но тут дала себя знать вожжа, которая, как известно, попадая под хвост, подает сигнал тревоги:

— Твоему высокому положению нанесен невозместимый урон! Действуй!

Эта самая злополучная вожжа вызвала рефлекторно гневный сигнал у председателя исполкома Суставова:

— Как, ослушаться меня, председателя исполкома?! На вверенной мне территории я — власть и закон! Вы меня еще узнаете! И действительно, колхозники вскоре узнали...

Суставов продумал все до мельчайших подробностей. Главное, считал он, — внезапность маневра. Противнику надо нанести такой оглушительный удар, чтоб он зарекся подрывать авторитет начальства.

План Суставова встретил в районном центре глубокое понимание и горячую поддержку.

— Добро! — изрек районный прокурор. — С нами закон и право! — И сослался на постановление, строго карающее за самовольный захват земли и самовольное строительство на захваченной земле (хотя колхозники, конечно, ничьей земли не захватывали).

Секретарь парткома производственного управления ни на что не ссылаясь. Он просто возгласил:

— Благословляю! Нечего нянчиться!

Практическое осуществление задуманной операции возложено было на районного архитектора Одиноких. Ему в помощь на случай возможного сопротивления были приданы боевые силы в лице пожарного инспектора Феофилактова и милиционера Ульянова.

— Задача ясна? — спросил Суставов.

— Так точно! — отрапортовал архитектор.

— Действовать моим именем! И никакой пощады! Об исполнении доложить!

Одиноких тут же связался с местной строительной организацией.

— По распоряжению председателя исполкома товарища Суставова направить к дому № 21 по улице Коммуны бульдозер!

Когда бульдозерист Орлов подъехал к дому № 21, архитектор отдал команду:

— Снести дом!

Со всех концов поселка сбежались люди. Не каждый день можно наблюдать, как архитектор вместо того, чтобы возводить жилища, на виду у всех разрушает только что отстроенный дом, куда вот-вот собирались вселиться знатные животноводы колхоза.

Четырехквартирный дом зашатался и застонал, едва только бульдозер врезался в его основание. Надо отдать архитектору Одиноких должное: он проявил изрядное рвение и, несомненно, довел бы операцию до конца, если бы не бульдозерист. Тот сдвинул дом с места всего на полметра и в страхе отступил, опасаясь, как бы пошатнувшиеся стены и шиферная крыша не накрыли его вместе с бульдозером...

Когда весть о фаленском эксперименте дошла и до области и до Москвы, областной исполком в авральном порядке (через десять дней!) обсудил это чрезвычайное происшествие.

Выступавшие на заседании исполкома ораторы всыпали и председателю колхоза Фоминых — не начинай-де строительство без согласования с пожарной и санитарной инспекциями! — и председателю райисполкома Суставову: «Допустил крайнюю меру». Но никакого постановления тогда не вынесли. Оно появилось только на двадцать четвертый день, когда в Киров приехал корреспондент Крокодила.

Пока в области изучали «дело о столкновении дома», пока взвешивали все «за» и «против», Суставов извлекал из этого дела урок. На заседании облисполкома, перед лицом начальства, он порядка ради признался: «Да, погорячился...»

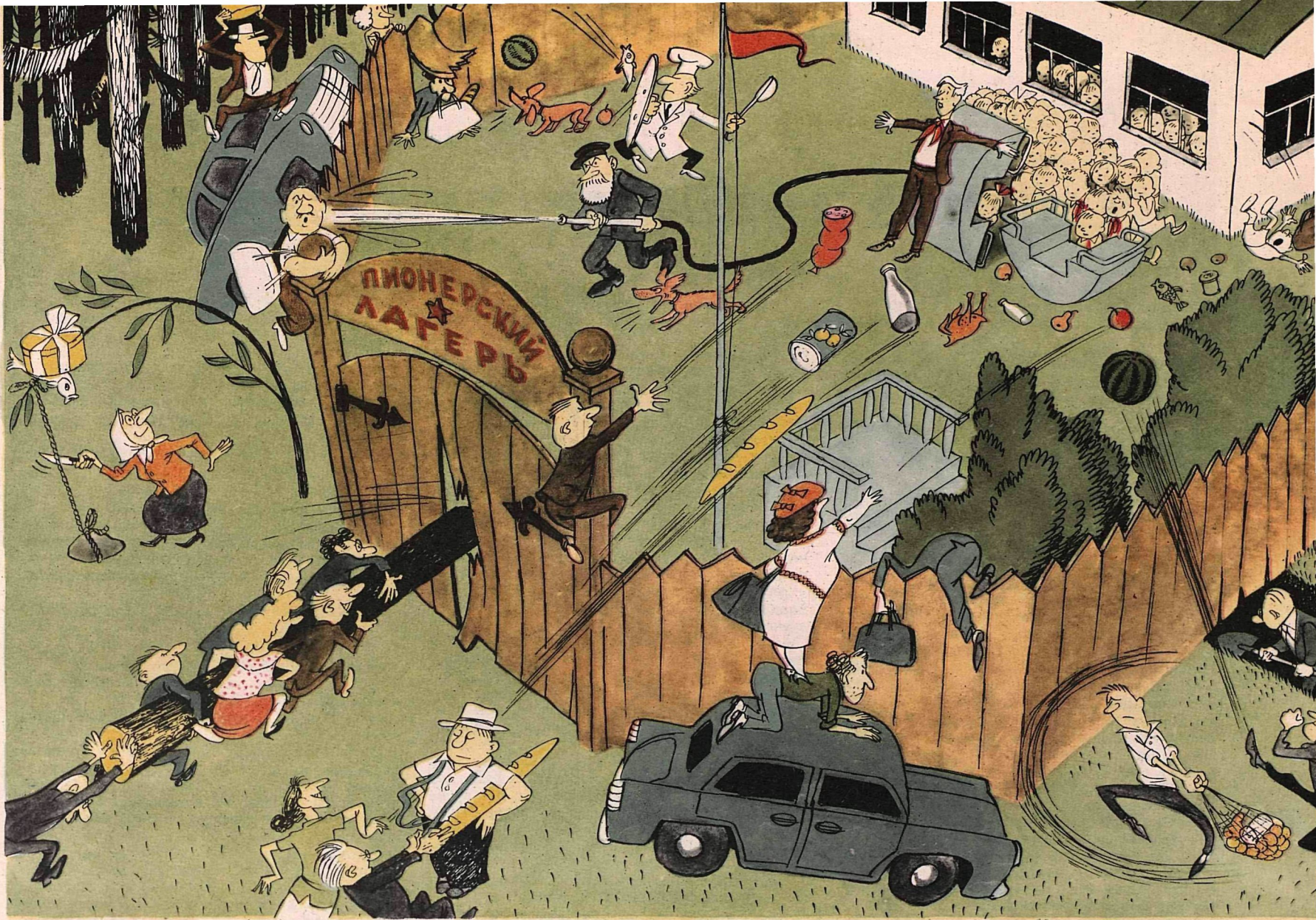
Думаете, после такого признания Суставов пошел к колхозникам с повинной, честно попросил прощения у людей, которые избрали его депутатом и поставили на высокий пост? Как бы не так! Что подумают о его авторитете?! И Суставов поторопился решением райисполкома «строго предупредить Фоминых». И пусть он, председатель колхоза Фоминых, покается перед колхозниками в своих прегрешениях.

Одним махом Суставов двух зайцев побивахом: и восстановил свой попорченный авторитет и признал во всем виновным одного Фоминых. Другими словами, не ему, Суставову, а Фоминых из своего кармана придется возместить колхозу убытки. Именно это обстоятельство больше всего тревожило Суставова. А то, что, сдвинув бульдозером колхозный дом, он тем самым непоправимо «сдвинул» в глазах населения свой авторитет, это до его сознания, должно быть, не дошло. Суставову, видимо, невдомек, что механизация, конечно, хорошая штука. Но домкраты, подъемные краны и бульдозеры уж слишком тяжеловесны в качестве аргументов для защиты посрамленного престижа...

Е. ВЕСЕНИН,

специальный корреспондент Крокодила

Кировская область.

ОСАДА ЛАГЕРЯ

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Илья Иванович Треносов бежал, шлепая босыми ногами по холодному тротуару. Он был гол. Совершенно. Попросту говоря, в чем мать родила. В отличие от знаменитого голого короля он полностью осознавал факт своей наготы и поэтому летел на самом форсированном режиме.

Резко затормозив у вывески «Одежда», Треносов, словно шаровая молния, ворвался в магазин. Звон лопнувшей дверной пружины разбудил кассиршу, которая дремала, положив голову на клавиши кассового аппарата. Она приоткрыла один глаз и, решив, что видит сон, открыла второй.

— Брюки! — чугунным голосом прохрипел Илья Иванович. Молоденькая продавщица оторвалась от чтения растрепанной книжки, ойкнула и провалилась под прилавок.

— Брю-юки! — повторил наш герой. «Ю-юки!» — тулкло отозвались эхом пустые полки. Из-за портьеры выглянул директор. Его лицо приняло такое выражение, словно он оказался наедине с осьминогом. В тишине раздавался гусеничный лязг треносовских зубов и коронок.

— Брю-ик! — икнул необычный посетитель, дрожа от холода.

— Брюк в продаже не имеется, — ответил директор, ретируясь на всякий случай к двери.

СНАБЖЕНИЕ С ОБНАЖЕНИЕМ

— Тогда рубашку, и подлиннее.

— Не поступали... Вот все, что я могу предложить вам для прикрытия наготы. — И директор протянул Треносову какую-то бумажку. Она оказалась вырезкой из газеты «Советская торговля» за 25 февраля.

«К страдной поре готовы!» — прочитал Илья Иванович заголовков. — «В нынешнем году не должно быть жалоб хлопкоробов и животноводов на нехватку летней одежды — хлопчатобумажных костюмов и брюк, со-

рочек, ковбоек, теннисок и чулочно-носочных изделий, — говорит управляющий Целинной краевой базой «Казторгодежда» И. Треносов. — Заявки баз и магазинов не только удовлетворены, но в ряде случаев перекрыты».

Читателю ясно, что Илья Иванович не носится по улицам нагишом. Но благодаря его кипучей деятельности такая участь едва не постигла многих целинников, которые по милости Треносова не смогли приобрести ни ковбоек, ни брюк. В общей

сложности облпотребсоюзы целины недополучили к весне одежды примерно на четыре с половиной миллиона рублей.

У Ильи Ивановича, естественно, спросили: «Почему?» Он ответил официальным письмом от 17 марта (двадцать дней спустя после опубликованного в газете заверения). Из этого документа мы почерпнули сенсационные сведения. Оказывается, такие простые виды мужской, женской и детской одежды, как куртки шерстяные, шелковые блузки и комбинации, хлопчатобумажные сорочки, пальто, Целинному краю не были запланированы. Видите ли, «в республике и в Союзе этот ассортимент не вырабатывается»...

Вот как бывает! Пообщаешься с осведомленным человеком и узнаешь, к примеру, что валенки и полшубки мы закупаем на Новой Гвинее, брюки — на острове Святой Елены, а хлопчатобумажные рубашки — на Огненной Земле.

Может быть, кто-нибудь скажет: «Зачем же вы в фельетоне руководящего работника раздели? Стыдно!» А мы для того и раздели, чтоб ему стыдно было.

Впрочем, кто знает? Говорят же, стыд не дым, глаза не ест...

А. КАРАСЕВ,
С. РЕВЗИН

ГИПНОТИЧЕСКИЕ ГРАЖДАНЕ

У меня была любимая трубка. Любимая книжка. Любимая фляжка. И любимый бинокль.

И вот их не стало. Я, собственно, не очень горевал. С трубки перешел на сигареты. Без книжки я как-то обходился. Фляжка тоже пока не требовалась, ибо носить с собой и распивать у нас, как известно, строго воспрещается. А бинокль был старый и хранился просто как память о покойном деде.

Но вот мне понадобилась книжка. По ассоциации я вспомнил о трубке, фляжке и бинокле. А за ними — о приятеле Толе.

Приятеля этого я очень люблю. Он веселый парень, эзотеричный и остроумный, как эстрадный сборник. Правда, всегда у него была одна особенность: он входил в мою комнату целеустремленно, как на склад трофейного имущества. Он искал глазами, что бы еще такое для себя приспособить. И забирал. А я давал. На время, разумеется.

Я вспомнил, что моя трубка, моя книжка, моя фляжка и мой бинокль у Толи. А кроме того, у него были рефлектор, пижама, моторчик для продувания воды в аквариуме, плащ-палатка, пара чемоданов и половина моей библиотеки.

— Толя,— сказал я по телефону,— у тебя моя книжка?

— Гм...— раздался удивленный голос.— Ты что это о ней вспомнил?

— Ты уж прости, она мне понадобилась...

— Нехорошо, нехорошо, старик,— отечески сказал Толя.— Может, ты еще о чем-нибудь будешь вспоминать?

— Да!— обрадовался я.— У тебя моя трубка и моя фляжка.

— Ну, трубка твоя, положим, сломалась. А фляжка цела. Но, учти, она очень нравится моей жене.

— Моей тоже нравится,— робко заметил я.— Тем более мы отправляемся на юг. Так что, принеси уж и бинокль...

— М-да,— раздался металлический голос.— Не понимаю я тебя, старик.

Он пришел через полчаса, строгий, как гадгробный памятник.

— Ты что, старик, ссориться решил?

— Что ты, Толя, милый...

— А как же: «на тебе твои ляльки, давай мои цацки!»

— Но, Толя, у меня же нет твоих лялек...

— Неважно!

— Толя, не сердись, пожалуйста,— вступилась моя жена.— Хочешь чаю?

Толя сел за стол, не разжимая губ. Мы весь вечер уламывали его как могли. Я даже сбегал на угол за четвертинкой. Он ушел несколько пьяным, но непоколебимым. На столе остались книжка, фляжка и бинокль. Трубка была сломана, а о рефлекторе и прочем даже разговора не шло.

Всю ночь мы не спали, мучаясь своей нетактичностью, а утром отправились на вокзал. Войдя в купе, мы увидели, что на нижней полке лежит румяный гражданин.

— Простите,— сказал я и покраснел.— Это место моей жены: она не может ездить на верхней полке.

— Именно это? — улыбнулся румяный гражданин.— А откуда вы взяли?

Страдая, я полез за билетами.

— Действительно! — сказал румяный гражданин.— Вот тонкости! Стыдно, стыдно в наше время быть такими избалованными...

Мы сошли с поезда в чудной деревушке у моря и облюбовали романтическую избушку на самом берегу. Хозяин ввел нас в дощатую пристройку, пахнущую мышами.

— Пятьдесят рублей в месяц,— заявил он, глядя на меня глазами удава.

Я вздрогнул.

— А нельзя подешевле?

Его лицо исказила мепистофельская гримаса.

— Денег нет, а на курорты ездют. Ну, ладно! Раз уже наехала гольтепа такая,— сымайте за сорок пять.

И мы снова страдали оттого, что мы гольтепа такая.

Но к вечеру, успокоившись под плеск волн и омыв души морским ветерком, мы обрели способность рассуждать. И поняли, что все три разных случая имеют общую подоплеку.

Пусть не сердится на меня мой друг Толя за то, что я поместил его в такую компанию. Действительно, он самый еще неразвившийся, самый безбидный экземпляр в ряду тех существ, которых мы с женой называли в тот вечер Гипнотическими Гражданами.

Они нападают на вас без промедления и не дают опомниться. Они парализуют вашу волю каким-то особым вредным ядом. И вы уже бессильны. Вам кажется, что вы — мещане, крохоборы, ломаки, невежды — обидели трепещущую душу гения бескорыстия...

О бедный Толя! Кто, по существу, он? И что он сделал? Подумаешь, сломал мою любимую трубку и не извинился, а, наоборот, заставил извиняться меня... Если бы он знал, какие крупные, отборные, закаленные экземпляры Гипнотических Граждан бродят по свету!

У настоящего Гипнотического Гражданина зрачки вертикальные. Глаза у него немигающие. Он входит в редакцию и, глядя немигающими глазами, спрашивает:

— Ну, что, старики, долго будете мариновать мою рукопись?

Старики как раз накануне собрались, прочли рукопись и решили, что это уникальный образец графоманства. Достойный восхищения. Может быть, помещения в музей. Но никак не напечатания.

Но Гипнотический Гражданин продолжает не мигать. И первый старик, болезненно покраснев, говорит:

— Да понимаешь, как-то не успели обсудить, запарочка...

А ЗА ПРОСТУПОК ДАнный...

— Илья Фомич, Петров опять
По цеху бродит пьяный!
— Опять? К станку не допускать!
А за проступок данный
Пьянчужку мигом распушу!
Доколе ж с ним возиться?!
А впрочем... вдруг поднимет шум,—

Сперва пусть протрезвится...

— Илья Фомич, пришел Петров,
Направить к вам пьянчужку?

— Не пьян!

— Да нет, пока здоров,
Как раз и снять бы «стружку»...
Илья Фомич помедлил: — М-да,
Я, собственно, не против,
Ну, а к чему сейчас, когда
Он трезвый на работе?..

— Илья Фомич, Петров опять

По цеху бродит пьяный!

— Опять? К станку не допускать!

А за проступок данный...

* * *

Увы, сюжет без поворота,
А повторяться неохота...

В. КРИВОКОЛЫСКО

— Стыдно, стыдно, старики!

Второй приходит на помощь первому:

— И вообще, как сказать, есть недостатки...

Когда человек стесняется, он говорит с уменьшительными суффиксами.

— Без недостатков не бывает,— отрезает Гипнотический Гражданин.— Так когда печатаете?

— Да нет, ты послушай, с язычком у тебя что-то не того...

— А идея?

— Да и она, как тебе сказать...

— Будем ставить точки,— говорит Гипнотический Гражданин. Он любит ставить точки.— Какая идея, антисоветская?

— Да что ты! — хором взвизгивают старики.

— Значит, советская идея. Язык русский?

— Русский.

— Что вам еще надо?

— Да, в общем-то, ничего не надо...

— Ну, вот. А о чем же разговор? Короче, когда приходится читать гранки?

И приходит, родимый. И читает. В полонный срок.

Вообще тактика Гипнотического Гражданина похожа на тактику некоторых шахматистов — наступление любой ценой. Он обладает умом, тактом и вежливостью морской торпеды. Атакует в таких неожиданных ситуациях, какие и не придумаешь.

Знал я одного Гипнотического Гражданина по имени Сережа. Между прочим, кандидат наук. Между прочим, из хорошей семьи. Так вот, когда к нему в гости приводили девушку — неважно, чью знакомую и чью невесту, — кандидат Сережа садился рядом с девушкой и сразу, без промедления, начинал гладить ей колени. А потом совал в руку записку с телефоном.

Над ним посмеивались. Но стоило упрекнуть его всерьез, как взгляд у Сережи становился немигающим, и он укоризненно говорил:

— Ну, старик, ну ты феодал, что ли? Какие предрассудки!

И продолжал писать записки.

Разные, конечно, были девушки. О тех, что брали телефончик, мы сейчас говорить не будем. Но ведь были и порядочные! Они поправляли юбку, отодвигались, вставляли наконец. Но вот что интересно: ни одна не возмутилась. Им было стыдно. За кого? За себя, конечно. За свои предрассудки.

Так все и продолжалось, пока не нашлась одна здравомыслящая. Здравомыслящая спокойно дала Сереже пощечину.

И, представьте, кандидат Сережа из хорошей семьи не обиделся. Совсе не обиделся. Просто убрал руки и отошел в сторонку.

Но мне этот случай открыл глаза. Я обдумал его во всех подробностях. И теперь я знаю средство против Гипнотических Граждан. Оно очень простое.

На Гипнотического Гражданина нужно посмотреть серьезными глазами. Ни в коем случае не мигать. И произнести спокойным голосом диктора Левитана:

— Отдай чужую книжку. Уступи чужое место. Не трогай чужую девушку. Не лезь в чужую жизнь.

И вы увидите чудесное превращение. Вертикальные зрачки Гипнотического Гражданина станут обычными, глаза округлятся, а рот приоткроется в скромной и вежливой улыбке. Он тут же станет неотличим от нормального человека.

Скажете, все это слишком просто?

А вы пробовали? Честно, положу руку на сердце, пробовали? Нет. И я до сих пор не пробовал.

Стесняемся, черт возьми!

Рисунок Б. ПРОРОКОВА

ШИК-МОДЕРН

МИСТЕР ЛОУРЕНС ВАН ДЕР ПОСТ

Раньше держал в руках плеть...

...а теперь держит своего человека.

Рисунок А. КРЫЛОВА

Прибытие мистера Лоуренса ван дер Поста в московский аэропорт Шереметьево прошло крайне буднично. Его, большого знатока русской жизни, против ожидания не встретили хлебом-солью дамы в кокошниках, усыпанных жемчугом. Бородатые мужчины в высоких медвежьих шапках, закутанные до самых глаз в мохнатые бурки, не стали изводить бесконечными расспросами. Детский хор не исполнил в его честь популярную славянскую песню «Ай-люли!».

По свидетельству отважного путешественника, был тихий солнечный вечер. Аэродром как аэродром, люди как люди, самолеты как самолеты. Ничуть не хуже британской «Кометы», на борту которой впервые в московском небе засверкал вышеупомянутый джентльмен. Это, естественно, повергло его в некоторое уныние.

Мрачно взирал достойный джентльмен на безрези, обступившие шоссе с обеих сторон. Как вдруг они расступились... И вот поистине кто ищет, тот всегда найдет! Дрожавшей от волнения рукой Лоуренс ван дер Пост записал в дневник: «Многострадальную Россию потрясает строительная лихорадка... Безжалостно сносятся деревянные домишки прилегающих к большим городам деревень. На беззащитную землю ведется планомерное наступление. Дома, дисциплинированно подчиняясь единой команде, словно полк гвардейцев на параде, плечом к плечу маршируют стройными колоннами».

Есть от чего прийти в ужас! Бедные, бедные избышки! Погибнуть под натиском современных домов — какая трагическая участь!

— Что ж станет с ними?! — скорбно спросил Лоуренс ван дер Пост шофера такси, имея в виду оставшихся без крова несчастных жителей снежных деревушек.

— Им предоставляются квартиры в новых домах, — с дьявольским коварством ответил тот.

— Ну, а если они по-прежнему захотят заниматься своими исконными сельскохозяйственными промыслами? — не унимался достойный джентльмен.

— Их тогда направят на работу в любой колхоз или совхоз. И вообще государство позаботится об этих людях, — ловко увернулся от ответа находчивый таксист. И само слово-то «государство» шофер, как и все прочие граждане нашей страны, произносил с благоговением. И все это несмотря на то, что оно (государство) усадило шоферов такси за рули совершенно одинаковых «Волг», поместило всех пассажиров в унифициро-

ванные многоместные автобусы, перевозит товары на однотипных машинах отвратительной сокой грузоподъемности.

Граждане лишены всякой ночной жизни: уличных драк, ни проституции. Даже при одной уличной аварии с десятком — двумя веческих жертв не потянешься!

На Западе — иное дело. Во-первых, стандарт домов совсем немного, и скрашивают их присутствие дома старье. Во-вторых, «сущее» упорное желание людей обитать в жилищно-строительных по их собственному вкусу». То есть в Англии, откуда приехал к нам Лоуренс ван дер Пост, чудачки, которые почему-то эти дома называют трущобами и считают, что течение ближайших двадцати лет надлежит сти, а то жить в них совсем невозможно.

В-третьих, дома домами, а веселье, по словам ван дер Поста, должно сосредоточиваться в ресторанах. Но и туда, по его мнению, русские хаживают не от хорошей жизни. Только соберетесь отправить в рот кусок свиной ной, а тут — музыка. Так что хочешь не хочешь, а танцуй. Ютанцевали свое и вместе со все слышно «побредете бесцветной толпой в стандартные квартиры».

Вот и английский флажок сплошь и рядом в ресторанном столике ставили ему. И нарочно он был правильно. Пустячок? Ну нет! «Дьявольский продуманный план» называл мистер ван дер Пост. На что Париж, Брюксель, прочие просвещенные европейские столицы толк в туристах — и там британский флажок правильно изобразить не могут. Вверх ног суют его на ветровых стеклах своих автомобилей даже сотни англичан, путешествующих по Европе. А ведь по международному коду это signifies ствия. Иное дело в Москве, где все свершилось в соответствии с некоей таинственной программой. Здесь британские флажки всегда вывешивались правильно. Хотели, должно быть, это тактильно умаслить Лоуренса ван дер Поста и тутить его бдительность.

Все заметил проницательный джентльмен. И официанток, «марширующих» поступью английских пехотинцев, и «мистическое» отношение русских к железным дорогам. Душе каждый русский — кочевник, бродяга как вы, русские рабочие, спешите по утрам воды и фабрики, а на ваших лицах ван дер Пост никак не мог разглядеть «обычного страха опоздания». У ваших коллег в Париже,

Славомир МРОЖЕК

Лебедь

Главным украшением парка был пруд. А украшением пруда был лебедь. Однажды лебедь исчез. Его украли хулиганы.

Городское управление приобрело нового лебедя. Чтобы уберечь его от судьбы предшественника, к нему приставили специального сторожа.

Это был маленький одинокий старичок. Уже начинались длинные холодные вечера, когда сторож приступил к своим обязанностям. В парк никто не приходил. Старичок бродил вокруг пруда и наблюдал за лебедем, а иногда оторвал на звезды. Ему было холодно. Ему пришло в голову, что было бы неплохо пойти в небольшой трактирчик, расположенный недалеко от парка. Он было уже сделал несколько шагов по направлению к выходу, как вспомнил о лебеде. Он испугался, что в его отсутствие лебедя могут украсть. И тогда он потеряет место. Итак, он отказался от этой мысли.

Но холод мучил его все больше и больше, равно как и одиночество. Наконец он решил пойти в трактирчик, а лебедя взять с собой. «Даже если кто-нибудь и придет в парк, — рассуждал он, — чтобы насладиться красотой при-

роды, отсутствие лебедя заметят не сразу, звезда, но безлунная. А мы тем временем возвратимся».

Он взял лебедя с собой и пошел. В трактирчике было тепло и разносит сильный запах горячих сосисок. Старичок сел на стул напротив себя, чтобы не скатать его из виду, и заказал скромную еду и рюмочку водки, чтобы согреться.

Он с большим аппетитом принялся уплетать баранину и вдруг заметил, что лебедь постоянно смотрит на него как бы с невыносимым ром. Старичку стало жаль птицу. Он не ест, чувствуя на себе ее взгляд. Он подошел кельнера и заказал для лебедя белую бульонную в крепком подогретом сахаром. Лебедь повеселел. По окончании ужина оба, бодрые и довольные, возвратились в парк.

Следующий вечер тоже выдался холодным. На этот раз звезды светили необычайно ярко, и каждая из них была, как холодный гвоздь, вбитый в одинокое сердце старика. Однако он решил отказаться от посещения трактира.

На середину пруда выплыл лебедь.

ПСИХОЛОГИЗИРУЕТ

ит все
но вы-
ни. Ни
имитив-
чело-

артных
унылое
ествует
ах, по-
юко вот
анс ван
старые
о их в
ит сне-

андар-
аться в
кие по-
только
отбив-
очешь,
ми по-
а свои

дом на
исован
етально
ет его
сель и
знают
порой
ми ри-
обилей
вропе.
л бед-
шается
ограм-
вешив-
ой де-
при-

ен, все
отучей
ческое
Ведь в
. И то,
на зар-
Пост
перед
Нью-

Йорке, Лондоне и прочих западных столицах это приятное вандерпостову сердцу выражение вырисовывается вполне четко. Но то жимилый Запад.

Но это все не главное. Проницательность Лоуренса ван дер Поста не знает границ. Сумел ведь выведать, зачем вы в цирк ходите. Как семьями, так и целыми заводскими коллективами. Ведь любоваться лучшим в мире балетом вам не дозволяется. Им (балетом) благодаря «хитрой потаенной системе привилегий» (и ее сумел распознать!) наслаждается лишь «технологическая, артистическая и прочая аристократия».

Хорошо, если есть родственник-аристократ. Приходишь, стало быть, в его технологическое или там артистическое палаццо, скидываешь заскорузлый комбинезон, и ведут тебя прямахонько в ванную. Там отмытого, рыдающего от счастья, размягченного первым знакомством с горячей водой и мылом облачают в приличный фрак. Потом, соблюдая десятки предосторожностей, пересаживая из одного аристократического лимузина в другой, тайно доставляют в театр.

А остальным только что и остается в цирк бегать. «С тем, чтобы не столько развлечься, сколько преодолеть чувство разобщенности и выразить протест все регламентирующей системе». Так-то вот оно. Сидите вы в цирке, следите за тем, как вальсируют лошади, дрессированные собачки прыгают сквозь обруч, и тем самым протестуете.

Крупнейшая английская буржуазная газета «Санди телеграф» любезно предоставила ван дер Посту свои страницы для опубликования пространных кусков этих выдающихся открытий. Их рекламируют «солидные» «Таймс» и «Обсервер», представляя автора нелепого сочинения как «писателя, лишенного каких бы то ни было политических предубеждений, творца глубокого психологического исследования, не содержащего большого количества фактов и поэтому еще более убедительного».

Увы, в «свободном мире» царит неписанный закон: чем хуже товар, тем неистовей следует его рекламировать. Ветхозаветные охотничьи купчишки формулировали его когда-то лаконично и строго: «Не обманешь — не продашь». В одном лишь рекламе права: «фактов» у мистера ван дер Поста действительно не густо. Их вообще нет...

Ф. АНДРЕЕВ

РАССКАЗ

б

Ночь
менем

и уют-
садил
выпу-
ску

летать
при-
и уко-
не мог
дозвал
лочку,
иве с
чтания
тились

днный.
венно
днный
ричка.
ценция

Мысль о том, какая дрожь должна охватить каждого, кто в такую ночь соприкоснется с водой, взволновала старичка. Хоть он и белый лебедь, а чем он хуже других? Наверное, он сейчас охотно посидел бы где-нибудь в тепле, съел бы что-нибудь... Старичок взял лебедя под мышку и пошел в трактир.

И снова наступил вечер и снова пронзил старичка острием меланхолии. Но на этот раз он твердо решил в трактир не ходить. Вчера, когда они возвращались в парк, лебедь танцевал и напевал нечто невероятное.

И вот, когда старичок сидел на берегу пруда в пустом и холодном парке, уставившись в небо, он почувствовал, как его кто-то деликатно дернул за штанину. Это лебедь, подплыв к берегу, напоминал ему о чем-то. Пошли.

А месяц спустя выгнали старичка с работы вместе с лебедем. Лебедь качался на воде среди белого дня. Матери маленьких детей, которые приходили в парк отдохнуть и посмотреть на птицу, подали жалобу.

Даже самая скромная должность требует определенных моральных устоев.

Перевели с польского
В. БУРИЧ и М. ПАВЛОВА.

МОЛЕБЕН В БОННЕ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ОТВЕТ ОППОЗИЦИИ

ПАРИЖ. В кулуарах французского Национального собрания депутат-деголлевец Пьер Ба подкрался сзади к депутату — представителю оппозиции Франсуа Миттерану и стукнул его по голове.

— Удар не носил политического характера, — утверждает Пьер Ба.

«ПРЕСТУПНИЦЫ»

МАДРИД. Испанский суд признал двух молодых английских туристов виновными в нарушении закона и приговорил каждую к штрафу в пятьсот пезет. Виновные были арестованы на месте преступления: они поцеловались у гостиницы с провожавшими их друзьями.

Избиение же забастовщиков франкистской полицией преступлением в Испании Франко не считается.

ПЕРЕКРАШЕННЫЙ ОТЕЛЛО

ИОГАННЕСБУРГ (ЮАР). В Южно-Африканской Республике артистам — исполнителям роли Отелло категорически запрещается гримироваться в темный цвет. Тот фант, что в бессмертной трагедии Шекспира Отелло был мавром, местных расистов не смущает. Важно, чтобы ни один «цветной» не изображался в роли военного руководителя...

ЖАРКОЕ ИЗ СЛОНА

ФИЛАДЕЛЬФИЯ (США). Известно, что эмблемой республиканской партии США является слон. Поэтому устроители съезда республиканской партии в Филадельфии намеревались угостить делегатов жарким из слона. Увы, «демократическое» министерство сельского хозяйства запретило ввоз в США туши слона из Юго-Западной Африки...

Выступая с лекциями в Западной Германии, американский историк Хоган всячески оправдывал Гитлера, заявляя, будто «войну развязали другие».

ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ...

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ЛЯГУШАЧЬИ ТРЕНЕРЫ

ЭНДЖЕЛС КЭМП (КАЛИФОРНИЯ). Здесь состоялась международная (поскольку, кроме США, в них участвовали Багамские острова и Южная Африка) соревнования прыгающих лягушек. Мировой рекорд поставила лягушка по имени Расти, прыгнувшая на 5 метров 219 миллиметров.

Ее владельцы, два калифорнийских бизнесмена, считают, что выдающийся результат их любимой лягушки объясняется отличной работой специального тренера и особой диеты, составленной для рекордистки.

МЕШКИ С ГАРАНТИЕЙ

ИПСВИЧ (АНГЛИЯ). Инженер-делец Норман Шарвел изобрел специальные мешки для перевозки денег с гарантией, что их не украдут бандиты. Мешки эти оборудованы секретно вмонтированными звуковыми сигналами и автоматически взрывающимися дымовыми шашками.

Однако самому Шарвелу, по всей видимости, мешки для перевозки собственных денег не понадобятся: при первом же испытании мешок был благополучно украден вместе со всеми хитроумными приспособлениями.

КАК УСВАИВАТЬ ИСКУССТВО

НЬЮ-ЙОРК. Скульптор Роберт Уоттс, сторонник так называемого «искусства событий», выставил в Нью-Йорке ряд произведений, после ознакомления с которыми публика выходит из залов, буквально облизываясь.

Дело, оказывается, не в качестве скульптур, а в качестве их материала. Все они сделаны из теста, причем хорошо пропеченного. Не мудрено, что к концу выставки от большинства скульптур ничего не осталось. Единственный случай массового усвоения публикой «нового» искусства.

Зденек ИРОТКА

РАССКАЗ

ПРОРОК

Бухгалтер Шлик тщательно точил карандаш, когда в комнату вошел кадровик Достал с незнакомым человеком, который оказался новым директором по фамилии Неклуда.

После обмена рукопожатиями Достал повел нового начальника в следующую комнату. На жаргоне служащих это называлось «водить медведя».

Когда они вышли в коридор, Достал спросил: — Разве вы прежде не были знакомы с Шликом?

— Нет, — ответил Неклуда. — А почему вы спрашиваете?

— Но... — нерешительно произнес Достал, — Шлик уже полгода назад утверждал, что вы будете назначены директором торгового.

Директор Неклуда так удивился, что продолжал обход в состоянии, напоминающем лунатическое. Слышал имена, видел лица, пожимал руки, но думал только о Шлике.

«Черт возьми! — говорил он себе. — Откуда этот старик мог за полгода вперед знать, что я стану директором? Полгода назад никто на свете этого не знал. Директором здесь был отличный работник, прекрасный человек, и, если бы не автомобильная катастрофа, я по-прежнему заведовал бы сельским магазинчиком в Северной Чехии. Ерунда какая-то...»

Заняв кресло директора торгового, Неклуда почувствовал, что стал беспомощным винтиком слож-

ной и движущейся по инерции машины, что он не руководит предприятием, а плывет по течению. Он пришел к мысли, что должен гораздо больше знать о работе предприятия, и начал искать поводов для дружеских бесед со своими подчиненными. Это оказалось полезнее, чем он ожидал.

Со временем навестил он и Шлика. Неклуда уже знал, что этого старого бухгалтера сотрудники зовут «наш пророк». Приходилось слышать легенды о его удивительных прогнозах, которые всегда попадали в самую точку. Неклуде очень хотелось ненароком спросить старика насчет его удивительного предсказания. Однако беседа, если ее можно так назвать, пошла совсем по-другому руслу. В ближайшие дни торг должен был сдать в эксплуатацию новый шикарный отделанный «Гастроном», и Неклуда полагал, что наиболее подходящим заведующим был бы Шебеста из магазина на Цинаржской улице. Вот эту мысль он нарочно и высказал при бухгалтере Шлике.

Старик минуту помолчал, а потом сказал: — Назначьте туда кого-нибудь, кто собирается в отпуск.

Неклуда был так ошарашен этим советом, что, вернувшись в свой кабинет, сказал секретарше: — Выясните, кто собирается в отпуск.

Однако, просматривая график отпусков, он сообразил, что Шлик имел в виду другое. Позвонив в отдел кадров, он узнал, что заведующий Шебеста уже пять лет не был в отпуске. Директор задумался, а затем направил в магазин на Цинаржской улице внезапную ревизию. Результат был катастрофическим, и о том, чтобы Шебеста работать в новом магазине, уже не могло быть и речи. Его нельзя было оставлять даже в старом.

На следующий день директор Неклуда вошел в

комнату Шлика и, поздоровавшись, несколько долгих секунд смотрел на старого бухгалтера.

— Вы, кажется, уже в прошлом году сказали, что я буду директором?

Шлик смущенно кашлянул и ответил:

— Видите ли, ваша тогдашняя история с компотом...

Неклуда от неожиданности поперхнулся. Компот — это был его грех. Идея, казавшаяся неплохой, стоила магазину таких убытков, что Неклуде было мучительно об этом вспоминать. И если что-либо в его работе могло помочь ему стать директором, то только не история с компотом.

— Удивительная у вас логика, — произнес он. — Это была грубейшая ошибка в моей жизни. И именно из этого вы сделали вывод, что я буду директором?

— Ну, не из самой ошибки, конечно, — ответил Шлик. — Скорее из того, что эта история вам так легко сошла с рук. Вот я и подумал: если наверху ему и такое простили, значит, будут по-вышать...

Три дня и три ночи размышлял Неклуда над тем, что есть Шлик для учреждения — клад или проклятие? На четвертый день он поднял телефонную трубку и спросил, какая пенсия полагалась бы Шлику, если бы бухгалтер вдруг решил уйти на покой.

— Восемьсот сорок пять крон, — молниеносно выпалил референт.

— Вы что, на память знаете такие цифры? — спросил директор.

— Два дня назад сам Шлик попросил меня подсчитать. Он сказал, что, по-видимому, вы скоро отправите его на пенсию.

Сокращенный перевод с чешского И. ГАВРИЛОВОЙ.

— Хочу игрушку! Только обязательно диметилхлорвинилую!

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

— Будет знать, как не отдавать МОИ деньги!

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

На счастье.

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

СЛОВО К ТРЕЗВЕННИКАМ

Человечество слагается в основном из пьющих и непьющих. В исполинской же массе трезвенников живет примиренческая идиллия: дескать, потребление алкоголя вовнутрь — дело чисто внутреннее. Самих пьющих.

Пользуясь этим, выпивохи породили в быту свой особый язык, свою особую арифметику.

Язык выпивох! Ему нет равного по краткости и доступности. Чем больше выпивается, тем компактнее становятся рассуждения и то-сты.

— Будем!

Застольное «будем» означает и «будем здоровы», и «пусть будет не последняя», и туманную философию «живы будем — не помрем», и многое другое.

Исчерпать многогранность тоста «будем» невозможно, но он помогает быстро исчерпать содержимое бутылки. И тогда разгорается беседа, сжатая до предела.

— Пп... онял? Пп... онял!

Того, кто усвоил два универсальных слова: «Будем» и «Пп... онял», — во всякой компании любителей крепких напитков примут как родного, признают интересным собеседником, обладающим незаурядным ораторским талантом.

Арифметика выпивох ниспровергает наши привычные представления о разнообразии цен, о сложности ценообразования. Алкогольный прейскурант подкупает своей доступностью и простотой: «четвертинка» как минимум и «пол-литра» как максимум.

Если вам нужно починить полку для книг и вы решили прибегнуть к частным услугам, знайте заранее, что за один-единственный гвоздь с вас возьмут «на четвертинку», но зато, как бы ни была сложна работа по усовер-

шенствованию и модернизации этой полки, никто не покусится на большее, чем пол-литра.

Пол-литра — это предел, перейти который не позволит себе ни один истый выпивоха. На подобное рвачество способны только непьющие калымщики.

Сила проникновения этой особой арифметики в трезвый мир поистине удивительна. Однажды вытаскивали увязшую на проселке легковую машину. Тяжелые грузовики брали ее на буксир, но стальные тросы не выдерживали и лопались. Уже вечерело, когда какой-то далеко не атлетического сложения человек с топором предложил: «На пол-литра дадите? Разом вытащу».

И действительно: пара бревен и классический закон рычага в умелых руках российского плотника совершили чудо. Спасителю протянули десятирублевку. Он отверг эту купюру: «Сказано, на пол-литра...»

Ему дали трешку и на радостях потащили выпить со всеми за компанию. К общему удивлению, он отказался:

— Извините, я непьющий.

Вот так незаметно обычаи и повадки заблудыг вторгаются в жизнь обычных граждан.

А ведь и сами выпивохи подсказывают выход, и все реже пьяницы пристают с очень популярным когда-то вопросом:

— Ты меня уважаешь?!

Даже дозревшие до определенного градуса понимают, как им трудно теперь рассчитывать на положительный ответ.

Пьяницы сами переиначили традиционный вопрос и вместо «Ты меня уважаешь?!» спрашивают теперь:

— Ты меня презираешь?!

Вик. ВИКЕНТЬЕВ

ФОНАРЬ НА УЛИЦЕ

При солнце
не нужен,
Лимонно-недужен,
На улице нашей
Фонарь
не погашен.

Хоть видит прохожий,
Что свет не потушен,
Но думает:
«Что же!»

Пройдет
равнодушен.

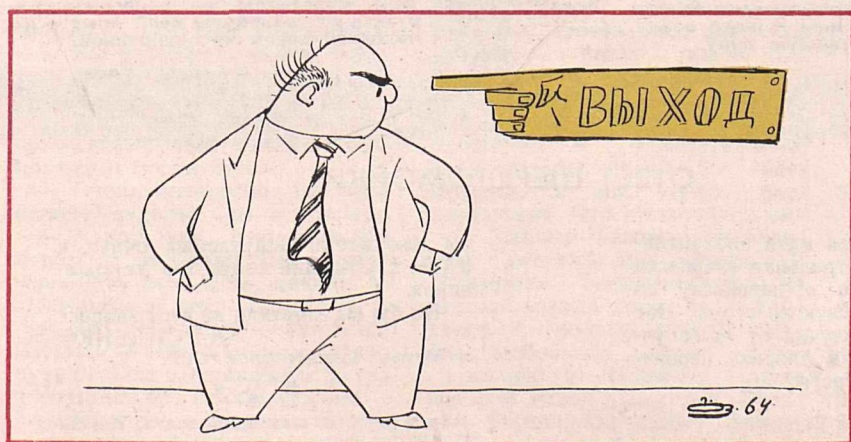
Махнет он рукою,
С улыбочкой барства:
«А мне-то какое!..
За счет государства!»

А надо, чтоб все мы
Не только в поэмах
Отчизне радели,
А в жизни,
на деле...

Чтоб были равны
И к золоту нивы,
К пшенице
и гречке,
И к света утечке!..

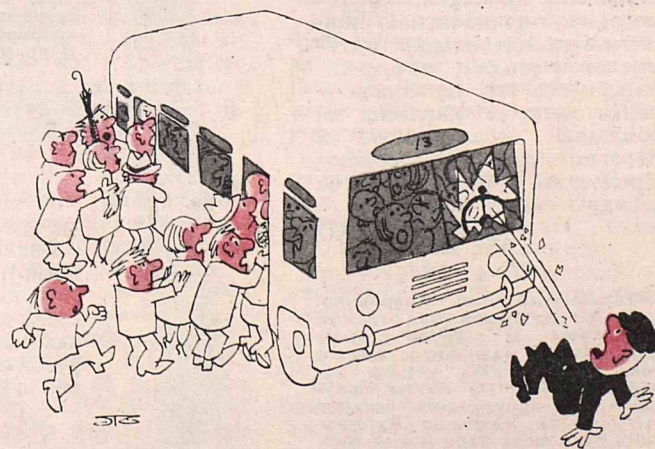
Долой
равнодушие,
Сытое барство,
Где дело касается
Дел государства!

Осип КОЛЫЧЕВ

— Указывать? Мне?

Рисунок Г. ПИРЦХАЛАВА

— Все это хорошо, но кто поведет автобус?

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

**ВЫ МНЕ
ПИСАЛИ...**

Модернизированный сфинкс

Милый Крокодил!

Пишут тебе школьники из Якутии. Скоро у нас в Алдане откроется новый Дом пионеров. Мы мечтали украсить его большой скульптурой. И вот скульптуру привезли из Калуги. Когда ящики открыли, то оказалось, что в одном из них — туловище пионерки, а в другом — голова собаки.

Ю. ПРИЛЕПИН, В. ПАНАРИН,
В. РЕДРОВ, К. ЧЕРНЕЦОВ

Дорогие ребята! Вы, наверно, читали в учебнике древней истории про сфинксов — фантастических существ с туловищем льва, головой женщины и крыльями птицы. Очевидно, комплектующая для вас посылку, дяди и тети из Художественного фонда РСФСР вспомнили этот классический пример, но внесли в это дело что-то свое, новое.

ЗАРАПОРТОВАЛИСЬ

Судя по сообщению газеты «Магаданская правда», в нашем поселке «у самого моря» открылся удобный продовольственный магазин. Его торговый зал отделан с хорошим вкусом: скромно, изящно, современно.

А магазин-то и не открывался. Отделочные работы внутри него еще в самом разгаре.

А. ЗАХАРОВ

пос. Беринговский,
Магаданской области.

Возле нашего села собираются строить мост через реку Бердь. Строить его еще только собираются, а наша районная газета «Знамя коммунизма» поспешила уже обрадовать читателей сообщением, что «мост через реку Бердь перекинулся».

Г. ГУСЕЛЬНИКОВ

село Легостаево,
Искитимский район,
Новосибирской области.

* * *

В Сибири строят много. Это очень приятный факт. Приятно, что строят там быстро и хорошо. Приятно постоянно рапортовать об этом читателям. Но в данном случае две уважаемые сибирские газеты явно зарапортовались. И это уже неприятно!..

Новая метла

«Ново-Шепиличи Киевской. Метлы хозяйственные десять вагонов грузите Челябинскую область. Получатель завод Магнезит. Зам. управляющего конторой Протопопов».

Прочти, Крокодил, эту телеграмму челябинской конторы вспомогательных материалов и угадай: зачем понадобилось тов. Протопопову взять метлу с Украины на обильный лесами Урал и сколько заплатит Южно-Уральский совнархоз за каждую связку прутьев?

А. КРАВЧЕНКО

* * *

Уважаемый тов. Кравченко! Думал я, думал над твоими вопросами и хотел было предложить назначить вместо тов. Протопопова нового хозяйственника. Но потом испугался. А вдруг новый станет выписывать метлы с Курильских островов? Ведь новая метла по-новому метет...

**Сами
с усами...**

У нас в городе Фрунзе испортившиеся холодильники, телевизоры и прочую бытовую технику не выбрасывают на помойку, а несут в ремонтный цех № 2 фрунзенского завода «Металлобытизделия». И там их чинят. Кроме стиральных машин «Батуми-59». Их не чинят. И не потому, что не хотят, а потому, что Батумский электротехнический завод не дает деталей для гарантийного ремонта своего детища.

А детище капризное и очень любит ломаться. Особенно часто ломается пластмассовый корпус мотора. Когда об этом сообщили на Батумский завод, оттуда сердито ответили:

— Не мешайте работать. Сами знаем лучше вас недостатки своей машины. Ведь мы ее делаем, а не вы!

Р. ЧМОНИН

г. Фрунзе, Киргизской ССР.

Это верно. Машина «Батуми-59» — весьма хрупкая вещь. Но зато, говорят, и очень красивая. А красота — это страшная сила. Мы рекомендуем больше не покупать эту машину. Оставим ее для украшения кабинетов руководителей завода. Видимо, она больше ни на что не годится.

По законам сцены

Дорогой Крокодил! К нам в Азербайджан из Восточной Сибири, со станции Будагово, прибыл круглый лес для жилищного строительства. Круглый-то он по-честному, только плохо — гнилой. Сердцевины бревен гнилые, дуй насквозь, как в трубу. А чтобы это скрыть, умники из мехлесопункта приколотили к торцам бревен дощечки. Так они хотели замаскировать трухлявость.

Д. СУЛТАНОВ,

начальник строительного-монтажного
поезда № 100
г. Кировабад.

* * *

Стыдно вам, мехлесопункт! Берите пример с театральных гримеров, мехлесопункт. Вот те — да! Так замаскируют — родной зритель не узнает. Кабаниху Джульетты сделают. Учитесь искусству грима — и, глядишь, сумеете всучить кому угодно вместо здоровой лиственницы гнилую осину. А то и вовсе чистейшую липу.

ОТВЕТ ШЕРСТОМОЙКИ

Видимо, не желая идти протоптанными путями, Центральная сберкасса гор. Мары внесла в переписку со своей клиентурой свежую струю. Вот какое послание получил от этого учреждения коллектив фабрики первичной обработки шерсти:

«Шерстомойка № 24

Центральная сберкасса № 3727 просит срочно представить справку с домоуправления о том, работаете ли

Посмотрели — и довольно!

Недавно мы ездили в Свердловск, чтобы поучиться у тамошних мастеров-закройщиков и модельеров. Побывали в Доме моделей. Фасоны там были прекрасные, но для нас бесполезные: фотографировать, снимать выкройки, срисовывать их нам не позволили. И поездка оказалась напрасной.

Закройщики КОЛОМИЧ,
ПЕТЕРИКОВА, ЗАЛЕПЯТСКАЯ,
ПЕЧЕРСКИХ

г. Куртамыш,
Курганской области.

* * *

«В человеке все должно быть прекрасно: и душа, и одежда, и лицо, и мысли». Это написал Чехов. Одежды ваши, может, и прекрасны, свердловские модельеры, но вашу мысль — утаить от товарищей свой опыт — мы находим совсем не прекрасной.

вы или нет и получаемый оклад к 6 I-64 г. Старший контролер Устюжанина».

Что бы вы ответили на этот запрос?
Д. СИДЕНКО
г. Мары, Туркменской ССР.

* * *

Будь мы на месте адресата, мы бы ответили так:
«Сберкасса № 3727. Старшему контролеру Устюжанину.
Я-то работаю. А вы? Шерстомойка № 24».

— С ремонтом дорог мы, кажется, сели в лужу...

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Как-то шел по Москве Пушкин.

Был тихий сиреневый вечер. На Тверском бульваре попарно, как октябрята, гуляли влюбленные.

Настроение у поэта было прекрасное. Он медленно шагнул по направлению к площади, названной его именем, и негромко напевал:

Слыхали ль вы за рощей
глас ночной
Певца любви, певца своей
печали?

— Прекратите! — раздался вдруг пронзительный окрик.

К Пушкину приближался мужчина средних лет. Лик его был ужасен, движенья быстры. Он был весь, как божья гроза. — Ага! — зловеще произнес мужчина. — Давно я мечтал с вами поговорить. Вы — Пушкин А. С., 1799 года рождения.

— Вы угадали, — учтиво ответил поэт. — Позвольте и мне узнать, с кем имею честь...

— Как меня зовут, неважно, — сказал собеседник. — Важно, что я Воспитатель.

— Очень интересно. Но объясните, сударь, чем я обязан... — А вот чем: петь о любви я вам не позволю! Вас может услышать молодежь, юноши до шестнадцати лет.

— Что ж такого? — удивился Пушкин. — Мне и самому было чуть больше шестнадцати, когда я сочинил это стихотворение.

— Именно! — торжественно воскликнул блюститель тишины, вскинув подобно дуэльному

С. СПАССКИЙ

О любви не говори!

пистолету указательный палец. — Именно! Сами еще, можно сказать, из пеленок, а уже такие пакостные вещи писали! А известно ли вам, что такое любовь?

— Полагаю, что известно! — пылко возразил поэт. — Любовь — это чудесное, неповторимое чувство, которое делает человека чище, выше в своих помыслах...

Собеседник расхохотался.

— Чище? Выше? Эх вы, а еще классик! Любовь — это взаимное чувственное влечение противоположных полов. И ничего тут чудесного нет. А пропаганда этого влечения может очень просто привести к отрицательным последствиям. Да-да! Вы «воспевали», а мы теперь расхлебываем. Что приходится читать нашим несовершеннолетним деткам? Вот «Руслан и Людмила» — замечательная на первый взгляд сказочка. А вчитайтесь — волосы дыбом! Клубок любовных интриг. Я уж не говорю о Людмиле, вокруг которой взвод ухажеров. Возьмем Финна. Он любит Найну, а она его не любит, а потом она его любит, зато он ее не любит.

Какие-то морально разложившиеся субъекты. Тот же Рагмир: Людмилу быстро меняет на другую подозрительную девицу и еще хвалится: «Двенадцать дев меня любили». Подумать только — двенадцать! Да вам-то что — вы и двадцать четыре написали бы, если бы размер стиха подошел. А почитайте «Капитанскую дочку», «Русалку», «Алеко»...

— Не «Алеко», а «Цыганы», — сердито сказал Пушкин.

— Не оправдывайтесь! — возразил Воспитатель. — А чьи это слова: «Люби все возрасты покорны»? Ведь с этой фразы и началось великое моральное падение общества.

— Я вас не понимаю.

— Я разъясню. Вот мы пишем на афишах кинотеатров: «До 16 лет воспрещается». А вы: «все возрасты...» Я спорю с поэтом, что нельзя помещать в журнале «Юность» стихи о любви — рано школьникам знать об этом, — а он мне цитирует: «...все возрасты покорны...» Классик сказал! И везде так. Ваншенкина знаете? Ну как же? «Я люблю тебя, жизнь!» Хитро закручено: вроде поэт жизнь любит, а не женщину. Восхи-

щается природой, мужской дружбой... И все равно не выдерживает: «Полумрак, поцелуй на рассвете...»

— Неплохо, — сказал Пушкин. — Знаете что? — задохнулся Воспитатель. — Я с вами серьезно разговариваю. Под влиянием подобных песен молодежь начинает заниматься черт знает чем. Смотришь, молокоосу двадцати нет, а он уже влюблен. Нет, запретить надо писать о любви, петь о любви, снимать фильмы о любви!

— Простите, милостивый государь! — сказал Пушкин. — Ну, а вы сами-то, будучи моложе, не любили разве?

— Ну и что? Я любил по закону — жену!

— Значит, вы начали ее любить после того, как женились?

— Нет, я ее полюбил чуть-чуть раньше, но все равно без всяких там легкомысленных штучек. Такая любовь, как у меня, — это исключение. Я не типичен.

— Меня очень радует, что вы не типичны, — улыбнулся Пушкин.

Воспитатель закрыл было рот, но тут же открыл его.

— Слушайте, гражданин! — взорвался он. — Что вам от меня нужно? Я вас не знаю! Проходите себе в свой век и не мешайте современным прохожим!

Он круто развернулся и побежал вдоль бульвара, шараясь от идущих навстречу влюбленных парочек.

Пушкин весело рассмеялся.

КОГДА ВЫНОСИТЬ СОР ИЗ ИЗБЫ?

— Потерпи, Егорыч! Подпишет комиссия акт о благоустройстве—тогда и забирай свои метлы!

Рисунок Г. ИОРША

Вдвоем с известным астраханским художником мы сидели поздним вечером в его рабочей комнате, обсуждая новые книжные граюры. Вдруг мой собеседник на полуслове умолк, нервно глянул на часы, и глаза его фосфорически засветились. В следующее мгновение он подскочил к окну, напряженно прислушиваясь к доносившемуся из глубины улицы глухому рычанию грузовой автомашины. Дальше пошло уже нечто совсем несуразное. Будто подхлестнутый, художник сделал львиный прыжок, метнулся в прихожую, неистово прогрел ведрами и скрылся за дверью.

Я вышел на лестничную площадку. Огромный дом ожил: слышалось хлопанье дверей, топот бегущих жильцов, выкрики и все тот же веверный перезвон...

Через некоторое время явился смущенный и порядочно запыхавшийся художник.

— Ох, чуть было не опоздал. Проклятый мусор!

Мое лицо, вероятно, выражало сплошной вопросительный знак.

— Да, да, именно сор, мусор! Тот самый, который время от времени надо выносить из избы. В нашем городе уже несколько месяцев как ввели новшество — бестарный способ очистки. Ящики со дворов убрали. За мусором раз в сутки в определенный час приезжает автомашина. Вот и приходится галопом преодолевать этажи...

Я тщетно пытался постичь преимущества астраханского новшества.

— А если в момент прихода машины вас нет дома или вы заняты, больны?

— Тогда мусор остается до любого следующего рейса. Остается в квартире.

Случай с художником мог бы показаться только забавным, если бы то же самое не повторилось при моем посещении другого уважаемого в городе человека — заведующего кафедрой одного из институтов.

Заведующий кафедрой в отличие от сдержанного, терпеливого художника был настроен воинственно и не стеснялся в выражениях.

— Я невольник! Прикован цепями к мусорному ведру! Кроме меня, выносить некому—жена чувствует себя неважно да еще ухаживает за ребенком. Что же будет летом, когда появятся отбросы овощей, арбузные корки?

Я задался вопросом: не слишком ли большая честь оказывается в Астрахани мусорному ведру?

На эту тему я побеседовал с главным врачом Астраханской городской санитарно-эпидемиологической станции тов. Григорьевой и заведующим городским коммунальным отделом тов. Соловьевым.

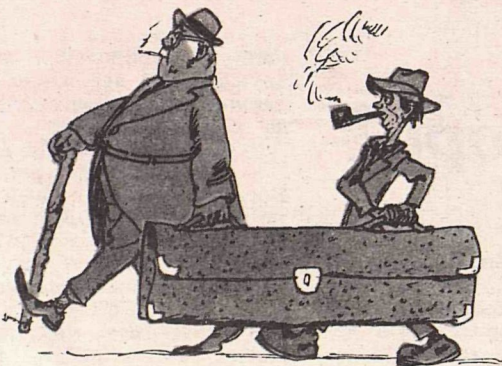
Главный врач — поклонница нового способа, который, по слухам, получил признание в ряде городов. Ей кажется, что жители просто не понимают своей выгоды.

Заведующий коммунальным отделом сообщил, что в некоторых районах города решено отказаться от бестарного способа очистки. Но десятки тысяч жителей по-прежнему испытывают на себе этот странный эксперимент городского Совета. И, кажется, их не убеждает довод о других городах, где опыт, по слухам, оправдал себя.

К. АРКАДЬЕВ

г. Астрахань.

СМЕХ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Писем пришло много. Они грудой возвышались на редакционных столах. Один юный подмосковный гражданин, Миша Левков, писал:

«Рисунок художника Узбякова в 12-м номере вызвал во мне смех на общественных началах. Извините, что мне было некогда особенно долго думать, так как надо учить уроки. Мне кажется, что рисунок надо подписать так: «За длинным рублем!»

Ага, насторожился Крокодил, не так плохо! Что же будет, когда придут письма другие читатели? Ответ не замедлил появиться в форме письма Виктора Быкова. Он предложил сразу две

подписи: «Соавторский таран» и «На штурм издательства!». Ленинградец А. А. Арефьев считал, что рисунок следует подписать одним словом «Двуручники».

Среди писем попадались послания людей всех возрастов. Валентина Васильевна Торжкова, сетуя на то, что ее шестилетний возраст несколько не отвечает условиям конкурса, тем не менее предлагает назвать рисунок Узбякова «Толстый и тонкий в наши дни». Bravo, Валентина Васильевна!

Очень многие читатели считали, что речь в рисунке Ю. Узбякова идет о «симбиозе соавторов» или «подхалимаже». Но тут же стали поступать

письма, так сказать, по профессиям. Люди, связанные с сельским хозяйством, полагают, что два типа, изображенные художником, несут полную форму отчетности колхоза.

10 317 подписей от 8 911 читателей получил Крокодил. Бакинец П. Я. Фионов прислал сразу двадцать восемь подписей. Москвичка Г. Д. Иволгина — чуть меньше, всего 24. Прав-

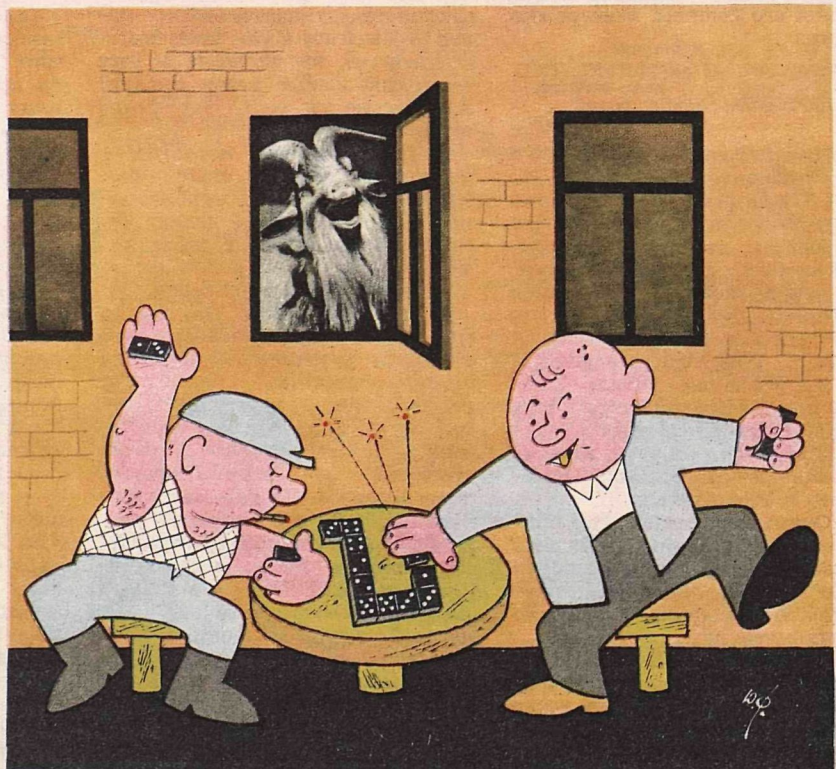
да, это был плод коллективных размышлений участников дружеского вечера.

На конкурс живо откликнулись не только соотечественники Крокодила, но и его зарубежные читатели из Болгарии, Швеции, Франции и даже Австралии.

По единодушному мнению крокодильского жюри, наиболее удачную подпись придумали... сто сорок четыре читате-

ля сразу. Эта подпись такова: «Широкоэкранный киноценарий».

Крокодил благодарит всех приславших подписи к рисунку Ю. Узбякова и предлагает вниманию читателей новый рисунок — Ю. Федорова. Условия конкурса прежние: подпись должна быть остроумной и лаконичной. Не забудьте на конверте сделать пометку «НА КОНКУРС ПОДПИСЕЙ».

КАРУСЕЛЬ

Сидел я и ужинал в ресторане. Никого не трогал. В кои веки выбрался в ресторан. Занял укромное место. В углу. Не люблю бросаться в глаза. Увидит кто-нибудь в ресторане — разговоры пойдут... «Вот, мол, товарищ А. шатается по ресторанам. Это при его-то окладе... И откуда у него такие средства?..» Нет, уж лучше не бросаться в глаза.

Пока я ждал бифштекс, вошел мой начальник Б. с нашей сотрудницей В.

«Ну, — думаю, — пропал!.. Сейчас заметит. Разговоры пойдут...»

Вжался я в стул, уткнулся в газету... Может, не увидит... Увидел... Извинился перед своей спутницей и подошел ко мне...

— Что, — говорит, — по рестораничкам ходим?

— Да нет, — отвечаю, — в кои веки поужинать заскочил.

— Знаем, — говорит, — эти ужины... Ну да ладно... Чего уж там! Сами не без греха... В общем, ты меня здесь не видел! Идет? А я тебя не видел.

— А я вас, — спрашиваю, — с НЕИ не видел или без НЕЕ?

— Без НЕЕ, конечно! А жене своей я скажу, что мы с тобой были на вечернем совещании...

— Хорошо, — говорю, — а если меня спросит ее муж, не видел ли я ЕЕ?

— Скажешь, что не видел.

— Это будет подозрительно.

— Тогда скажи, что был с ней в кино. Вы же с ЕЕ мужем друзья.

— Да, но ведь я был с вами на вечернем совещании.

— Скажешь, что я тебя отпустил и ты пошел с НЕИ в кино.

— Хорошо, — сказал я, — только узнайте у НЕЕ, какой фильм мы смотрели.

Мой начальник Б. отошел, а я стал есть бифштекс... Кто-то хлопнул меня по плечу. Я оторвался от бифштекса и увидел Д. из соседнего отдела снабжения.

— Привет! — мягко сказал он. — Меня здесь не было. Хорошо?

— Здесь сидят Б. с В., — сказал я, — они тебя заметят...

— Они здесь не видели меня, а я не видел их, — сказал Д. — На всякий случай: мы с тобой сидели в библиотеке.

— Да, но я был в кино с В.

— Ни в коем случае! — сказал Д. — В. отказалась идти с тобой в кино. Она сидит у приятельницы.

Кстати, тут два часа назад был Е. Так его ты тоже не видел.

— Я его действительно не видел. Два часа назад меня здесь не было.

— Рассказывай!.. Вчера Ж. вернулся домой в два ночи и сказал жене, что задержался потому, что встретил тебя совершенно пьяного и еле-еле дотащил домой. Так что ты его не выдавай.

— Меня? Пьяного?! — чуть не подавился я.

— А что делать? Должен же был он что-нибудь придумать! Ты первый, кого он вспомнил. Кстати, чуть не забыл... Если зайдет раз-

говор, то в прошлый вторник ты меня звал в ресторан, но я отказался и пошел на лекцию. Запомни! И Д. отошел от моего стола.

— Простите, у вас здесь свободно? — услышал я.

— Пожалуйста, — сказал я и поднял глаза.

Человек, который сел за мой столик, показался мне знакомым.

— Извините, — обратился я к нему, — но я вас где-то видел.

— Где? — испуганно оживился мой сосед.

— Где-то, — сказал я.

— Меня там не было!

— Где? — в свою очередь, заинтересовался я.

— Там, где вы меня видели!

— Я вас видел не там, где вы думаете.

— Там меня тоже не было! И вообще! Сейчас сюда сядет моя жена. Так вот, я вас не знаю, а вы — меня.

Женщина, которая села рядом с нами, оказалась женой моего двоюродного брата.

— Я тебя не видел, — шепнул я, — потому что меня здесь нет. Я в библиотеке.

Подошедший официант. отозвал меня в сторону...

— Послушайте, — быстро заговорил он, — вы ели бифштекс. Так вот, если спросят вас, то вы не ели бифштекса. Это для отчета. Я вам запишу, что вы съели четыре котлеты по-киевски, а заплатите, как за шашлык...

Я почувствовал, что начинаю потихоньку сходить с ума.

Действительно, при взгляде со стороны моя жизнь в последние дни выглядела по меньшей мере странной.

Неделю назад я звал приятеля в ресторан, пытаюсь отвлечь его от лекции. Вчера сотрудник тащил меня полумертвого домой и из-за этого сам задержался. Сегодня в одно и то же время я был в кино с женой моего друга, на совещании и в библиотеке. Кроме того, в эти же часы умудрился съесть четыре котлеты по-киевски.

Путаюсь, как в паутине, в собственных мыслях, я доплелся домой.

Едва я открыл дверь, раздался телефонный звонок. Это звонил муж той самой В., которая сидела в ресторане с моим начальником Б.

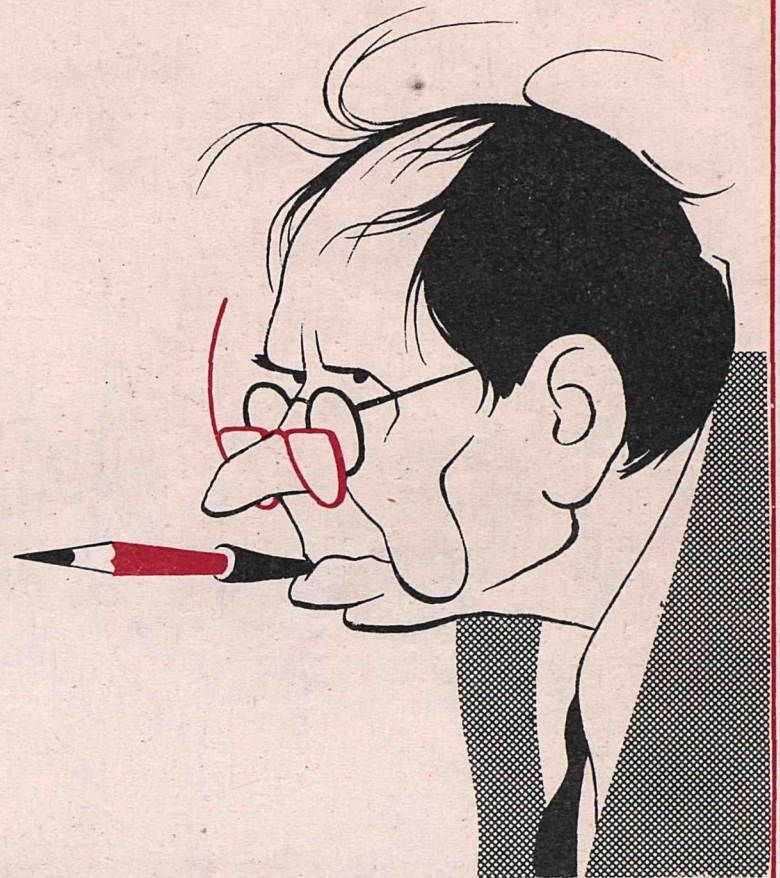
— Слушай! — сказал муж В. — Жена сегодня была у приятельницы.

Я ей сказал, что мы с тобой ужинали с твоим начальником Б. Так что, если она спросит, не перепутай! Кроме того, она спросила, где моя зарплата. Я сказал, что ты подрался с официантом, перебил посуду и мне пришлось за тебя заплатить.

Я бросил трубку и понял, что погиб. Спасение могло быть только в одном — отрицать все. Я никого не знаю. Я никого не видел. Я нигде не был. Поэтому у меня огромная просьба: вы этот рассказ не читали, я ничего этого не писал, и вообще вы обо мне никогда ничего не слышали!

Александр Владимирович БАЖЕНОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Дружеский шарж И. ИГИНА

Происшествия

Сюрприз с... ручкой

По перрону Киевского аэропорта нетерпеливо прохаживались представители базы Укробтхозторга. Они терялись в догадках:

— В наш адрес груз самолетом? Что бы это могло быть? Скоропортящимися товарами мы не торгуем... А вдруг какие-нибудь хозяйственные новинки? Электронные ведра или требующие срочной доставки холодильники на полупроводниках!

В это время самолет, сделав приветственный круг, приземлился. Встречающие подбежали к самолету, дрожа от волнения, вскрыли один из ящиков и увидели... железные совки для выгребания мусора из печек.

Да хоть бы совки были как совки. А то ржавые, погнутые, с ручками длиной в метр. Ни одна уважающая себя уборщица не приняла бы на вооружение такой инвентарь.

Вызванные на место происшествия эксперты тут же установили, что прибывший по воздуху товар является стопроцентным браком,

пригодным разве лишь для сдачи в металлолом. Совки выгребли из самолета, а их изготовителю — Львовскому заводу автопогрузчиков — послали письмо с просьбой взять свою продукцию обратно, да как можно быстрее.

Но директор завода А. А. Гуляницкий даже не ответил на письмо. Тогда база погрузила совки в вагон и отправила их во Львов. Вслед за тем заводом был отправлен счет на 380 рублей. Ровно столько стоила перевозка железнодорожным хлама самолетом из Львова в Киев, обратная отправка его по железной дороге плюс штраф.

Что же заставило руководителей львовского завода отправлять совки для мусора самолетом?

Все очень просто. Завод имеет план отправки грузов самолетами и старается его выполнить. И мы не удивимся, если завод станет пересылать самолетами битые горшки. План есть план!

А. БОРИСОВ

г. Киев.

ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД

(Не басня)

Оригинал, свой встретив Перевод, Воскликнул: — Вот урод!

А говорит, мы братья, мы близки.

Не видывал противней рожки...

Я удавился бы с тоски,

Когда бы на тебя казался я

похожим.

ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ

— Как поэтесса?

— Ах, она

Великолепно сложена.

Лишь вызывает

Раздражение...

Ее стихосложение.

А. КОСТОВЕЦКИЙ

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМIRНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный пр., 14. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00415. Изд. № 796. Подписано к печати 9/VI 1964 г. Формат бум. 70×108%. Тираж 2 000 000 экз. 1 бум. л.— 2,74 печ. л. Заказ № 1617.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Распорядок таков: с девяти до двенадцати — строевые занятия; с двенадцати до двух меняем правительство.